

Активна фаза проекту відбувалася з червня 2014 року по серпень 2016 року. Важлива роль надавалася українській (і саме україномовній) книзі найрізноманітніших жанрів (хоча особливо наділялась увагою дитяча література) як джерелу стабільної, глибокої та системної інформації та надійному інструменту формування єдиних суспільних цінностей.

Якушик В. М.,

професор кафедри політології

Национального університета «Киево-Могилянська академія»,

Саймонс Г. (Simons Gregory),

научний співробітник Центру російських і євразійських досліджень
Університету Уппсала, Швеція

(Uppsala Centre for Russia and Eurasian Studies, Uppsala University)

Вооружённый конфликт как кризис восприятия и коммуникации

1. Исторически война рассматривается как продолжение политики с использованием иных средств. Таковую её характеристику обычно приписывают прусскому военному теоретику Карлу фон Клаузевицу (1780–1831 гг.)¹. Но ещё две с половиной тысячи лет назад подобный поход развивали древние китайские стратеги Сунь-Цзы и Сунь Бинь².

Согласно классическим представлениям предполагается, что в войне (как минимум) одна из противостоящих друг другу сторон пытается принудить своего оппонента делать то, чего он в обычной обстановке не делал бы. При этом явное применение т.н. жёсткой силы (“hard power”) сочетается с использованием элементов т.н. мягкой силы (“soft power”), проявляющейся в воздействии на общее восприятие (“perception”) участников противостояния и мнение широких целевых слоёв³. Так, в частности, традиционно обосновується важність «правильного» інформаційно-психологічного впливу в ході ведення війн з метою досягнення поставлених задач.

¹ Германская военная мысль / Сост. К. А. Залесский. – М.: Астрель, 2012. – 604 с. [с. 144]

Клаузевиц К. О войне. – М.: Госвоениздат, 1934. – ххii+650 с.[с. 15]

² Малявил В. Военный канон Китая / Владимир Малявил. М.: РИПОЛ классик, 2015. – 416 с.

³ Waller J. M. Fighting the War of Ideas Like a Real War. – Washington, DC: The Institute of World Politics Press, 2007. – 149 p. [p. 39–52]

2. Следует учитывать, что, с одной стороны, война может рассматриваться как разновидность (и продолжение) политики, т.е. как проявление банкротства «обычной» политики, исчерпания её ресурсов и, соответственно, как переход к использованию иной политической логики, выход в иную систему политических координат.

С другой же стороны, в рамках иного теоретического подхода к трактовке понятий «политического» и «политики», война не является политикой, а её антиподом. Именно такой подход, по существу, применяется, когда мы говорим: «Данную проблему нужно решать политическими методами», противопоставляя эти методы неполитическим методам прямого насилия. В рамках этой системы координат война не является разновидностью политической деятельности, хотя военная (неполитическая) деятельность непосредственно связана с борьбой за власть и/или политическое влияние¹. И здесь особое место занимает дискурс о морально-этической составляющей войны и её неразрывной связи с нравственной позицией политического руководства воюющих сторон. Так, во время войны стороны конфликта неизбежно сталкиваются с этической проблематикой «необходимости и допустимости» убийства и причинения вреда противнику, что требует особой аргументации для политической легитимации насилия.

3. Война и вооружённый конфликт также рассматриваются как одна из множества форм проявления (социального) кризиса, для которой характерно одновременное наличие:

а) угрозы ценностям – жизни, собственности, демократии (или иному традиционному, более-менее комфортному политическому режиму), безопасности и т.д. и т.п.;

б) ощущения неопределенности, когда будущие тенденции и события выглядят труднопредсказуемыми и очень динамичными;

в) довольно жёстких временных рамок, поскольку ясно, что чем дольше продолжаются события данного типа, тем большим будет ущерб².

Кроме того, военный кризис предполагает необходимость политического призыва (апелляции) к действиям, пробуждающим внутренние силы в конкретных слоях и группах общества и мобилизующих их на

1 Якушик В. М. Вступ до політології. (Навчально-методичний посібник для вивчення державознавчих тем курсу політології). - 2-е вид., випр. і допов. - Київ: ЮрІнком, 2012. - 66 с. [с. 52-53.]

2 Stern E. K. Crisis Decision-making: A Cognitive-Institutional Approach. -- Stockholm: Elanders Gotab, 2003. - 299 p. [p. 6]

реализацию предложений, которые с точки зрения официального политического дискурса/нарратива направлены на решение ключевых проблем общества. Вполне понятно, что подобный призыв также невозможен без морально-этического мотивирования необходимости «сознательного участия» в конфликте, в соответствии с интересами конкретного сообщества или его отдельных групп.

4. Чёткого понимания требует важная роль управления информационными потоками в условиях военного кризиса. Принципиальное значение имеет способность контролировать (или хотя бы оказывать влияние на) информационный кризис, сопровождающий «физический» кризис, т.е. сам ход социально-политических событий конфликта¹.

В случае утраты подобных рычагов контроля операционный выбор сужается, а условия протекания кризиса могут начать ухудшаться по мере того, как нематериальные (неосязаемые) элементы (“intangible elements”) начнут сдерживать и ограничивать материальные (осязаемые) (“tangible”) политические и оперативные решения и варианты выбора.

Что же понимается под «материальными» («осязаемыми») и «нематериальными» («неосязаемыми») элементами? Материальные элементы и аспекты относятся к тем физическим компонентам, которые можно увидеть и к которым можно «прикоснуться» – это размер, характер (природа) и состав вооруженных сил, специфика местности и климата, размеры и мощь экономики и политического субъекта/игрока в целом (с точки зрения численности населения и промышленного потенциала)².

Нематериальные элементы и аспекты относятся к тем компонентам, которые нельзя увидеть и к которым нельзя «прикоснуться», но в то же время оказывают существенное воздействие на потенциал и эффективность материальных элементов. В данном случае прежде всего имеется в виду доверие к политическому и военному руководству, вера в справедливость войны или обоснованность её причин (или же отсутствие такой веры и такого доверия), уровень боевого духа. Все это непосредственно относится к морально-этической составляющей войны и политики в обществе.

Даже при наличии преимуществ в материальных элементах и аспектах в стране с армией и гражданским населением, у которых нет

1 Payne K. The Media as an Instrument of War // Parameters. – Spring 2005. – P. 81–93.

Hyslop M. Obstructive Marketing: Restricting Distribution of Products and Services in the Age of Asymmetric Warfare. – Gower Publishing Ltd.: Ashgate, 2014. – 347 p. [p. 135–160]

2 Simons G., Chifu. I. The Changing Face of Warfare in the 21st Century. – London: Routledge. Taylor & Francis Group, 2017. – 338 p. [p. 302–317]

доверия к своему политическому и военному руководству и веры в них, и, более того, где сильны сомнения в целесообразности вступления в войну или продолжения войны, снижаются возможности для успешного начала войны и/или её продолжения. Показательным примером может служить пользовавшийся всесторонней поддержкой США Южный Вьетнам. Он имел пятую по величине армию в мире, которая технологически значительно превосходила своих противников (Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама и Вьетнамскую народную армию). Однако всего за несколько месяцев активных боевых действий весной 1975 г. правительственная армия Южного Вьетнама потерпела сокрушительное поражение от своих противников, превосходивших её по основным показателям нематериального характера.

5. В вооруженных конфликтах, подобных тому, что переживает в настоящее время Украина, наряду с «физическими» боями идет и война противостоящих друг другу идей и реалий. Чем дольше продолжается конфликт, тем более укореняются и становятся непримиримыми эти идеи и интересы. Вместе с тем со временем содержание и характер различий идей, подходов и интересов может меняться, эволюционировать в результате приобретения нового опыта, то есть противоречия не обязательно остаются неизменными. Так, например, в современной России по целому ряду принципиальных вопросов во многих идеологически чувствительных сферах произошло сближение между некогда непримиримыми «красным» и «белым» историческими сегментами политического спектра¹.

Во многих случаях практически не предпринимается попыток понять точку зрения и мотивацию действий другой стороны. А в период вооружённого конфликта такие попытки вообще могут рассматриваться как непатриотичные и даже как предательство, по сути отвергаться как средство «легитимизации» («узаконивания») нарратива (официального повествования) и целей противника в ведущейся всеми сторонами информационной войне. Но есть ли какой-либо смысл в том, чтобы постараться понять неприятеля?

Отвечая на этот вопрос, следует учитывать очень важный нюанс: стремление понять точку зрения и реалии оппонента не равнозначно согласию с ним или легитимизации его позиций. Если предпринимается серьёзная и честная попытка разрешить конфликт на прочной долго-

¹ Danilova N. The Politics of War Commemoration in the UK and Russia. – London: Palgrave-MacMillan, 2015. – 280 p. [p. 115–207]

срочной основе, то нужно понять логику и интересы каждой из противостоящих друг другу сторон для того, чтобы выявить имеющиеся даже минимальные совпадающие и общие интересы. На этой основе можно начинать постепенно трансформировать характер конфликта, и лишь на следующих этапах переходить к «большим шагам». В противном случае существует риск возникновения двух групп непримиримых, крайне жёстких, негибких позиций и требований, постоянно подкрепляемых подсознательными и бессознательными внутригрупповыми шаблонами, стереотипами реагирования¹.

Необходимо держать в поле зрения долгосрочную картину, быть способным видеть перспективы за пределами текущего обострения конфликтной ситуации и сопутствующей ей полемики. Это означает, что необходимо сосредотачивать внимание на конкретных стратегических национальных интересах и ценностях, а не на краткосрочных тактических и оперативных соображениях (хотя и их не следует упускать из виду, а воспринимать в связи и в рамках общей политической игры и стратегических целей).

В результате затянувшихся кровавых вооружённых конфликтов зачастую приходится жертвовать нематериальными («неосязаемыми») элементами (“intangibles”), особенно когда не видно конца войне и связанным с нею страданиям и когда ранее казавшиеся чёткими и понятными цели и причины конфликта на определённом этапе становятся менее ясными. Так, в частности, участие США во Вьетнамской войне (1964–1975 гг.) является показательным примером того, как война была в конечном итоге проиграна прежде всего политически, а не чисто в военном отношении. США выигрывали многие конкретные сражения, но всё это, в конечном итоге, лишь для того, чтобы увидеть своё поражение в войне. Аналогичным образом Португалия окончательно проиграла партизанским движениям войну в своих африканских колониях Анголе, Мозамбике, Гвинее-Бисау (1961–1974 гг.), когда в этой западноевропейской стране, истощённой бесперспективным конфликтом в Африке, военный переворот 25 апреля 1974 г. стал началом демократической революции и привёл к признанию независимости «заморских провинций» (колоний) Португалии.

6. Если стороны затянувшегося конфликта оказываются не в состоянии самостоятельно понять точку зрения и интересы противоположной стороны и выстроить коммуникацию так, чтобы найти некий вза-

¹ Simons G. *Islamic Extremism and the War for Hearts and Minds* // *Global Affairs*. – 2016. – P. 91–99.

имприемлемый жизнеспособный компромисс, то нередко возникают ситуации, когда такое понимание «насиленно привносится» извне мировым или региональным сообществом, либо иной влиятельной (чаще всего доминирующей) корпоративной, экономической, военной силой, и соответственно выстраиваются каналы и форматы коммуникации¹. Характерным примером в этой связи является Дейтонское соглашение о мире в Боснии и Герцеговине 1995 г.

И в заключение следует отметить, что «рядовым» участникам (субъектам) вооружённых конфликтов (государствам и иным политическим структурам) нужно быть готовыми к ситуациям возможной «неожиданной», внезапной переориентации важнейших мировых центров принятия решений с одной общей политической логики действия на иную, в частности (в одном из геополитических измерений) – с глобалистской (мондиалистской) логики на логику приоритета интересов национального государства (конкретной страны) или «группового эгоизма» нескольких государств.

Актуальными являются также и возможные существенные изменения в системе общих координат и «философской основы» действий тех или иных сторон конфликта в связи с трансформацией сути государства, например, отхода от логики государства-корпорации в пользу логики государства-нации или наоборот. И, конечно же, в любом случае, чётко видны типологические отличия реального субъекта политики от квазисубъекта, лишённого своего собственного стратегического видения и механизмов защиты своих коренных интересов. У этих двух различных типов социальной организации принципиально отличные друг от друга системы внутренней и внешней коммуникации. Выбор соответствующего типа организации (субъектности или квазисевдосубъектности) зависит как от соотношения социально-политических и интеллектуальных сил внутри страны, так и от наличия системы эффективной «подпитки» извне.

¹ Duffy Toft M. *Securing the Peace: The Durable Settlement of Civil Wars*. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2009. – xiii+228 p. [p. 39–52]